

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК XVII

СТРАНЫ И НАРОДЫ
БАССЕЙНА ТИХОГО ОКЕАНА

Книга 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

И. И. Огрызко

ТОРГОВЛЯ НА КАМЧАТКЕ В XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

Камчатка¹ была открыта русскими землепроходцами еще в XVII в. В начале XVIII в. она уже входила в состав России. Началось изучение и хозяйственное освоение этого тысячелетиями изолированного от цивилизаций своего времени отсталого края. Первую обстоятельную характеристику материальной культуры, домашнего и общественного быта аборигенов открытого полуострова дал в 1700 г. Владимир Владимирович Атласов [8], названный А. С. Пушкиным «камчатским Ермаком» [12, 357]. В 1725 г. по инициативе и воле Петра I к северо-восточным берегам Тихого океана была направлена грандиозная по тому времени научная экспедиция во главе с Витусом Берингом, повторенная затем в 30-х годах XVIII в. [6]. Одним из замечательных результатов Второй Камчатской экспедиции было опубликование классических трудов ее участников — С. П. Крашенинникова [9] и Г. В. Стеллера [15], — эти труды уже в XVIII в. стали достоянием русской и европейской науки.

Для народов Камчатки, вошедших в состав России с ее неизмеримо более высоким уровнем социально-экономического и культурного развития, начался новый период их истории. При этом имело место не только воздействие более высокой культуры русских на местное население, но и обратное влияние коренных жителей Камчатки на русских поселенцев. Между ними совершенно естественно возник обоюдный выгодный процесс хозяйственного и культурного взаимодействия. При этом основой влияния на русское трудовое население со стороны аборигенов был весь их веками приспособленный к местным условиям хозяйственный и домашний быт.

Весьма существенной формой этого взаимодействия явилась торговля: она способствовала использованию почти нетронутых пушных богатств полуострова, включению Камчатки во всероссийский рынок и преодолению вековой хозяйственной и культурной застойности края.

Пока специальных работ о камчатской торговле нет. При упоминании же о ней в литературе обычно отмечается лишь ее теневая сторона. В настоящей статье делается попытка выяснить вопрос о предметах торговли и на этой основе показать ее влияние на хозяйственную жизнь и домашний быт населения полуострова. Приводятся материалы, позволяющие объяснить политику правительства в отно-

¹ Под Камчаткой в статье имеется в виду не вся территория современной Камчатской области, а лишь самый полуостров, до линии рек Подкабирная и Карага (включительно) на севере.

шении камчатской торговли. В работе определяется характер и роль экономической экспансии иностранного торгового капитала. В ней показывается, как монопольный характер и долговые формы торговли вели к ее крайней неэквивалентности и прямому закабалению коренного и русского трудового населения иностранными и русскими торговыми фирмами и местным русским купечеством, а также указывается на роль торговли в формировании социальной верхушки среди коренного населения.

Работа написана преимущественно на камчатских архивных материалах, хранящихся в ЦГАДВ, и неопубликованных документах ЦГИА и ГАИО. Привлечены также опубликованные документы [8; 11; 13] и работы, имеющие характер первоисточников [7; 9; 14; 15].

Предметы торговли

Товары, предлагавшиеся коренным и русским трудовым населением Камчатки, были почти исключительно меха. Еще до присоединения Камчатки к России у древних ительменов и оседлых коряков как раз пушнина («соболи и лисицы») была главным предметом обмена с соседними кочевыми коряками, у которых они получали взамен «шитое оленье платье и кожи» [9, 369]. За пределы Камчатки (например, на Курильские острова) в те далекие времена также стала проникать именно камчатская «мягкая рухлядь» и лишь отчасти сушеная рыба и китовый жир [9, 172].

Через 40 лет после присоединения Камчатки к России С. П. Крашенинников, характеризуя камчатскую торговлю, писал: «Вывозные с Камчатки товары состоят в одной мяхкой рухляди, а имянно: в морских бобрах, соболях, лисицах и малом числе выдр» [9, 517]. Проходили десятилетия, а новых статей вывоза не появлялось. В своем отчете за 1856 г. военный губернатор Приморской области, в состав которой с указанного года входила Камчатка (т. е. Петропавловский уезд), писал, что местное население расплачивается с купцами за все их товары «только пушшиной» и получает в казенных магазинах муку, соль, порох, свинец и прядево, «уплачивая за них также мехами». В отчете специально оговорено, что «рыбный промысел не представляет предмета для сбыта»². В таком же отчете за 1892 г. вновь подтверждается, что рыба на Камчатке вылавливается «исключительно для собственного потребления» и что только «звероловство... служит единственным источником для уплаты в казну податей и для приобретения предметов первой необходимости»³.

В 1900 г. приамурский генерал-губернатор докладывал в Петербурге, что на Камчатке до 1896 г. «не существовало никакого промышленного рыболовства» и что «размеры его никогда не выходили за пределы удовлетворения местных нужд»⁴. Даже начавшееся в 1896 г. промышленное капиталистическое рыболовство на Камчатке вначале тоже не коснулось местного населения. Только в 1909 г. жители долины р. Камчатки продали первую партию рыбы на сумму 2960 руб. Впрочем, это составило всего лишь 3,2% ко всему их годовому доходу. Выручка же от проданной пушнины в том же, 1909 г. составила у них 93 419 руб. (96,8%). При этом 83,3% дохода приходилось на соболя, 9,5% — на лисицу, 1,9% — на медведя, 1,7% — на выдру, 0,4% — на

² ЦГИА, ф. 1265, оп. 8, д. 122, 1859 г., л. 7.

³ ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 5057, 1894 г., л. 471—472.

⁴ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 304, л. 48.

другие виды пушнины⁵. О том, что добыча соболя неизменно стояла на первом месте и давала более 80% дохода от всей проданной пушнины, подтверждают и данные за 1906 г. В этом году жители Камчатки продали пушнины на 416 208 руб., в том числе: соболя на 372 240 руб. (что составило 89,4% ко всей выручке), лисицы — на 8088 руб. (1,9%), медведя — на 17 052 руб. (4,1%), выдры — на 5036 руб. (1,2%), калана — на 11 282 руб. (2,7%), прочей пушнины — на 2510 руб. (0,7%)⁶.

Таким образом, и в начале XX в. пушнина на Камчатке была практически единственным предметом вывоза. При этом удельный вес соболя (в ценностном выражении) достигал почти 90%. Даже в 1915 г., по свидетельству начальника Петропавловского уезда, охота на соболя дала местным жителям Камчатки в 30 раз больше денежных доходов (300 тыс. руб.), чем продажа рыбы (10 тыс. руб.)⁷.

Все возрастающий спрос на камчатскую пушнину способствовал быстрому росту цен на продукты охотничьего промысла. В момент прихода русских на Камчатку казаки, по словам С. П. Крашенинникова, «променивали ножик на 8, а топор на 18 соболей» [9, 244].

Однако установленная уже в 1763 г. казенная цена за принимаемого в ясак соболя была достаточно высокой (2 руб.). Через 20 лет она была поднята до 10—15 руб. (в зависимости от степени добротности меха) [13, вып. 1, 63]. В 1913 же году цена на соболя на Камчатке при свободной его продаже достигала уже 200 руб.⁸ В 1910 г. «цена на бобра (калана.— И. О.)», обнаруживая не меньший рост, «составляла от 540 до 966 руб. за одну шкурку»⁹.

Естественно, что это очень повысило роль пушного промысла как источника существования зверолова. Так, если в конце XVII в. его доля по сравнению с долей рыболовства была незначительной, то к началу XX в. положение изменилось. В 1909 г. в селениях долины р. Камчатки пушной промысел давал 37,2% валовой продукции по стоимости, рыболовство — 32,3%, сельское хозяйство — 17,3% и прочие источники — 13,2%¹⁰.

В 1889 г. на всем полуострове было добыто («упромышлено») и продано пушнины на 105 170 руб.¹¹ (в среднем по 100 руб. на каждую семью). А всего через семь лет за проданную пушнину было выручено уже 426 307 руб. (около 400 руб. на семью)¹². Начальник Петропавловского уезда писал в 1915 г., что именно «на деньги, вырученные от продажи пушнины, население приобретает предметы первой необходимости, т. е. муку, чай, сахар, одежду, ружья, порох, свинец, дробь, прядево для сетей и т. п.»¹³.

Переходя к вопросу о предметах ввоза на Камчатку, в первую очередь следует отметить, что здесь картина была достаточно сложной. Вначале сбывались главным образом металлические орудия труда и некоторые предметы домашнего обихода. По свидетельству С. П. Крашенинникова, у коренного населения особым спросом пользовались русские ножи, топоры, огнива, иглы, металлическая посуда, пенька, пряжа на сети, сукна, платки, гребни, бисер, зеркала, соль, табак [9, 515—516].

⁵ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 94, 1911—1913 гг., л. 17—30.

⁶ ЦГАДВ, ф. 1044, оп. 4, д. 137, л. 45.

⁷ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 344, л. 15.

⁸ ЦГАДВ, ф. 1004, оп. 2, д. 346, л. 22.

⁹ Там же, д. 39, л. 62—64.

¹⁰ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 94, 1911—1913 гг., л. 17—30.

¹¹ ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 2876, 1891 г., прил., т. 536—537.

¹² ЦГАДВ, ф. 1044, оп. 4, д. 137, л. 45.

¹³ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 344, л. 15.

По мере усиления влияния русской культуры на хозяйственный и домашний быт ительменов и коряков расширялся и ассортимент товаров, на которые коренное население предъявляло спрос. Свидетельством тому может служить «Реестр на отправленные товары в Камчатский округ» — весьма ценный документ, составленный в канцелярии военного губернатора Камчатки в 1851 г.¹⁴ В нем перечислялись следующие предметы: топоры, пилы, ножи, шилья, иглы, ружья, сапоги, башмаки, платья, рубахи, холст, ситец, шелк, китайка, даба, камка, платки, перчатки, коленкор, нитки, чулки, наперстки, зеркала, пуговицы, ложки, стаканы, чашки деревянные, кремни, чайники, котлы, сковороды, масло, сахар, крендели, сухари, гребни, кольца, бисер, чернила, карандаши, нашатырь, квасцы, табак, крестики, серьги. Отсутствие в этом большом списке столь необходимого в рыбных промыслах прядева (для изготовления сетей) и соли (для засолки рыбы), а также пороха и свинца и, наконец, муки и крупы объясняется тем, что эти товары продавались (в обмен на пушнину) через казенные магазины¹⁵.

Итак, через сто с лишним лет после С. П. Крашенинникова население Камчатки на свою пушнину выменивало не только упомянутые им товары, но и разнообразные ткани, одежду, предметы домашнего быта и даже карандаши и чернила. Приведенный здесь ассортимент товаров как в зеркале отражает степень влияния русской культуры на повседневный быт коренного населения Камчатки.

Развитие торговли на Камчатке оказывало положительное влияние на жизнь коренного населения. Купленные у русских орудия труда¹⁶ облегчали хозяйственную деятельность и делали ее более производительной. В случаях плохого улова рыбы возможность купить продукты питания спасала в какой-то степени от голода. Для коренного населения стало более выгодным покупать готовые орудия труда, одежду, обувь и предметы домашнего быта, сокращая свои древние и весьма трудоемкие домашние промыслы и тем самым высвобождая время для пушного промысла и рыболовства. А такая специализация в рамках всероссийского рынка, как известно, была явлением экономически прогрессивным. В конце XIX в. В. И. Ленин писал: «Сколько-нибудь широкое распространение домашней промышленности можно констатировать в настоящее время только в редких наиболее захолустных местностях; к числу их принадлежала, например, до самого последнего времени Сибирь» [4, 328]. На Камчатке, как одной из таких «наиболее захолустных местностей», в значительной мере благодаря пушному промыслу и торговле быстро преодолевалась вековая застойность хозяйственного и домашнего быта аборигенов. На смену этой первобытной отсталости шло приобщение их к более высокой материальной и духовной культуре русского народа.

Однако отмеченный нами положительный процесс в конкретных условиях полуфеодальной России и иностранной экономической экспансии сопровождался и такими теневыми явлениями, как резко выраженный монопольный и неэквивалентный характер торговли, закабаление коренного и русского трудового населения иноземными и местными купцами, выделение из среды аборигенов края эксплуататорской социальной верхушки и т. д.

¹⁴ Там же, оп. 2, д. 39, л. 41—49.

¹⁵ ЦГИА, ф. 1265, оп. 8, д. 63, 1859 г., л. 9.

¹⁶ О распространении новых орудий труда среди коренного населения свидетельствует следующий факт: в 1836 г. в 60 селениях полуострова из 62 уже были ружья. При этом на 100 русских крестьян приходилось 21 ружье, а на 100 аборигенов — 26 ружей (ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 27, 1836 г., л. 26—29).

*Политика правительства
в вопросе о камчатской торговле*

Правительство, заинтересованное в бесперебойном поступлении ясака, не могло равнодушно относиться к торговле «мягкой рухлядью». Если, например, ясачный человек продавал купцу всю добытую им в зимний сезон пушнину, то, естественно, он не мог внести ясака. Еще больший ущерб казне приносило полное разорение ясачного. Поэтому правительство, выражаясь фигурально, не могло безучастно смотреть на то, как режут курицу, которая способна нести золотые яйца. Отсюда — пристальное внимание властей к тому, чем, когда и кто торгует с ясачным населением.

В специальной «Записке касательно торговли с инородцами», составленной в 1859 г. и адресованной Сибирскому комитету, министр внутренних дел Ланской, характеризуя положение Сибири в XVIII в., писал, что в те времена «торговля заключалась в мене товаров на добытые инородцами звериные шкуры». При этом торговцы, разъезжая по селениям до сбора ясака, отпускали свои товары (преимущественно «хмельные напитки») «в долг на самых убыточных для потребителей условиях, так что инородцы, оставаясь вечными должниками купцов, отдавали им всю лучшую рухлядь, а следующий с них ясак уплачивали большею частью деньгами»¹⁷.

Как известно, правительство еще в 1763 г., не желая мириться с таким положением дел, распорядилось разрешать скупку пушнины частными лицами только после сбора ясака и только на ежегодные устраиваемых ярмарках, призванных обеспечить конкуренцию и, следовательно, более высокие цены на пушнину. Появление купца в «инородческих селениях» до ярмарки или вне ее грозило конфискацией товаров¹⁸.

Эти ограничения очень стесняли деятельность купечества и мало помогали самим ясачным, так как на ярмарки отправлялись обычно не сами ясачные, а их родовые старейшины, которые перепродавали затем купленные на ярмарке товары и обогащались за счет своих сородичей. Зато в этих мерах были очень заинтересованы местные чиновники: под разными предлогами они объезжали селения ясачных и за бесценок сами выменивали пушнину. По словам М. М. Сперанского, запрещение купечеству торговать вне ярмарок «послужило только к одному: к личной выгоде земских чиновников, дав им способ утвердить свою монополию»¹⁹. Кроме того, они вымогали у купцов взятки за выдачу специальных билетов на право торговли. Все это наносило ущерб нормальному сбору ясака.

Вот почему в 1820 г. М. М. Сперанскому пришлось опубликовать «Подтвердительные правила о свободе внутренней торговли», разрешавшие «беспрепятственно... торговать с ясачными; привозить к ним во всякое время хлеб и все жизненные и другие потребности, исключая запрещенных, особливо вина», причем «никто не обязан... испрашивать каких-либо билетов». В то же время «земским и другим чиновникам» запрещалось «торговать с ясачными»²⁰. В 1822 г. в известном «Уставе об управлении инородцев» эти принципы сформулированы более кратко: «Позволяется свободная торговля... во всякое время всеми припасами и изделиями, кроме горячих напитков» [11].

¹⁷ ЦГИА, ф. 1265, оп. 8, д. 63, 1859 г., л. 8.

¹⁸ ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 60, л. 16.

¹⁹ Там же, д. 274, л. 34.

²⁰ Там же, д. 556, ч. 1, л. 528.

Впрочем, в 1826 г. Главное управление Восточной Сибирью восстановило прежние ограничения в торговле с ясачными (разрешив торговать только после сбора ясака, на ярмарках и по билетам). Но уже в 1831 г. специальным решением Сибирского комитета свободная торговля была вновь восстановлена²¹. Однако и после этого местными властями на Камчатке практиковались названные выше ограничения, подкрепляемые соответствующими докладными записками и проектами, направляемыми в Петербург. В декабре 1857 г. Министерство внутренних дел отклонило все эти просьбы и предложения и потребовало соблюдения принципов свободной торговли²².

В чем причина этих затянувшихся споров? Местным чиновникам выгодно было сохранить ограничения, так как это обогащало их самих, облегчало им задачу сбора ясака и исправную работу казенных магазинов (в которых производился обмен товаров на пушнину). «Свободная» же торговля в конкретных условиях Камчатки, как мы увидим дальше, фактически была монополией торговых компаний и отдельных купцов, что было в интересах только купечества. Спор, иными словами, сводился к вопросу о том, кому монополично обирать ясачного: местным чиновникам из «благородного» сословия или нарождавшейся буржуазии. Правительство в лице М. М. Сперанского сделало ставку на торговую буржуазию, на свободную конкуренцию, полагая, что это повысит цены на пушнину, снизит цены на противостоящие ей товары и тем самым сделает «инородцев» более исправными плательщиками ясака. Ошибка правительства в данном вопросе состояла в том, что не учитывалась в должной мере крайняя общая экономическая отсталость Камчатки и в особенности неразвитость там буржуазных отношений. Вместо насаждаемой конкуренции на деле продолжала господствовать монопольная торговля, разорявшая ясачных. И надо сказать, что местная администрация это прекрасно понимала.

К вопросу о монопольной торговле мы еще вернемся. Здесь же остановимся на вопросе о том, как правительство и местная администрация, оберегая ясачных от полного разорения купечеством, боролись против ввоза к ним спиртных напитков. В «Уставе об управлении инородцев» 1822 г., как уже отмечено, разрешалась торговля с ясачными всеми товарами, «кроме горячих напитков». Осуществляя это требование, местные власти заставляли купца, едущего в ясачные селения для торговли, давать подписку в том, что спиртных напитков он «ни под какими благовидными предлогами» продавать не будет²³. Среди «благовидных предлогов» захватить с собою в камчадалские селения спиртные напитки была обычно ссылка на право каждого взять водку для собственного потребления. Но и против этого камчатская администрация придумала средство борьбы. В билете на право торговли говорилось, что взятую с собой водку торговец имеет право пить только сам и только в присутствии родового старейшины (тоена). Так, в билете, выданном 23 марта 1835 г. купцу Гомзякову, говорилось: «Гомзякову дозволяется взять для собственного в пути употребления казенного спирту одно с половиною ведро за казенною печатью, с тем, чтобы он... торговли сею водкою не производил... А если требуется ему необходимая надобность достать спирту нужное для себя количество, тогда дозволяется ему сие производить при виде тоена и по получении нужного количества спирта достальную водку запеча-

²¹ Там же, д. 229, л. 107.

²² ЦГИА, ф. 1265, оп. 8, д. 63, 1859 г., л. 2—18.

²³ Образец такой подписи — документ, подписанный купцом Ивановым (см. ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 203, л. 12).

тать тоену казенною того селения печатью. И так продолжать и в других селениях до самого израсходования всей водки»²⁴.

Безусловно, названные требования правительства и местной администрации объяснялись заботой об исправном поступлении в казну ясака, а отнюдь не об ясачных. Это явствует из текста подписки, отобранной у купца Иванова при выдаче ему билета на право торговли. Отправляясь в свой коммерческий вояж, купец обязывался: «Ежели... в каком селении произведу я торг, которым (селением.— *И. О.*) не внесен в казну ясак, повинен я, Иванов, ответственать за все то селение взносом в казну теми же самыми зверьками, какими селение обязано вносить ясак»²⁵. Итак, борьба против спаивания ясачных была борьбой за исправный платеж ими в казну ясака.

В конце XIX в., в соответствии со ст. 432 «Устава об акцизном сборе», камчатская администрация пыталась было закрыть всякий доступ спиртных напитков в ясачные селения. Начальник Петропавловского уезда Лех в своем докладе губернатору Приморской области от 28 ноября 1906 г. писал: «До прибытия моего в Петропавловский уезд вывоз из г. Петропавловска спиртных напитков местным начальством строго преследовался. Производились обыски, безразлично у всех лиц, прибывших из своих селений (расположенных внутри Камчатки) и возвращавшихся обратно, а также у купцов. И найденные спиртные напитки отбирались и продавались с аукционного торга, причем половина вырученных денег шла в пользу открывателей, а другая зачислялась в казну...». Автор доклада заявлял, что «меры эти своей цели не достигали и вывоз производился своим порядком, только с большей осторожностью». Поэтому новый начальник считал возможным вновь «разрешать вывоз ограниченного количества спирта... по особым дозволениям»²⁶. Он приказал даже расклеить в Петропавловске объявления, в которых говорилось: «Вывоз спиртных напитков из г. Петропавловска разрешается всем для собственной потребности, но при условии заявки о количестве вывозимого... и получении билета»²⁷. Губернатор все это санкционировал в своем ответе: «Вы можете давать такого рода разрешения, но со строгим разбором и предупреждением о том, что торговля крепкими напитками без разрешения воспрещается»²⁸. Можно себе представить, какой простор для злоупотреблений и наживы открывался этим и для торговцев, и для камчатских чиновников, выдававших указанные билеты.

Вместе с тем борьба против торговли спиртными напитками в ясачных селениях все же имела определенное положительное значение, так как отвечала интересам не только казны, но и, разумеется, самих ясачных.

Рассмотрим, наконец, отношение правительства к иностранной торговле на Камчатке. Известно, что еще с XVII в. правительство заботилось о снабжении сибирских казаков не только денежным, но и «хлебным жалованьем» и что с 1799 по 1855 г. на Камчатке находились довольно значительные по местным условиям регулярные военные контингенты, снабжение которых было прямым делом казны. Но обеспечение продовольствием неземледельческого края из хлебородных районов страны очень осложнялось огромными расстояниями и состоянием путей сообщения и транспорта. Этим было обусловлено

²⁴ Там же, л. 9.

²⁵ Там же, л. 12.

²⁶ ЦГАДВ, ф. 1044, оп. 2, д. 21, л. 101—103.

²⁷ Там же, оп. 4, д. 58, л. 5.

²⁸ Там же, оп. 2, д. 21, л. 103.

благосклонное отношение правительства к снабжению Камчатки из-за границы. Начало широким поставкам муки на Камчатку положил в 1812 г. американец Доббель. Правительство увидело в этом легкое средство избавить себя от забот по обеспечению Камчатки казенным хлебом. С 24 января 1828 г. по указанию Николая I на десятилетний срок был открыт беспошлинный ввоз на Камчатку всех иностранных товаров, помимо водки, рома и чая. Эта льгота для иностранцев затем продлевалась 5 раз и действовала до 6 августа 1860 г.²⁹ Появление в середине XIX в. русского приамурского хлеба и дешевизна его доставки водным путем позволили правительству отказаться от дальнейшего предоставления иностранцам права беспошлинной торговли на Камчатке. Однако иностранный торговый капитал и после этого продолжал сохранять и даже укреплять там свои позиции.

Засилье иностранного купечества в камчатской торговле

Слабость экономических и военных позиций царской России на Дальнем Востоке привела, как известно, к засилью иностранцев в камчатской рыбной промышленности и в котиковом промысле на русских тихоокеанских островах. Аналогичные явления наблюдались и в области торговли. При этом хронологическими датами усиления деятельности иностранного купечества на Камчатке в XIX в. явились 1812, 1828 и 1870 годы. В 1812 г. начал оптовую торговлю на Камчатке уже названный нами американский купец Доббель, в 1828 г. была разрешена иностранцам беспошлинная торговля на Камчатке, а с 1870 г. там начали свою деятельность американские коммерсанты Филиппеус и Гутчисон (пришедшие на смену упраздненной Российско-Американской компании). Это, впрочем, самая общая схема. Обратимся к конкретным фактам и документам.

До 1812 г. иностранное торговое судно у камчатских берегов было редким явлением. Начиная с этого года Доббель более 10 лет подряд привозил на Камчатку, главным образом из Манилы и Макао, пшеничную муку (до 25 тыс. пудов в год). Он продавал ее по 8 руб. 50 коп. за пуд, в то время как доставляемая из Иркутска ржаная мука обходилась казне в 14 руб. за пуд. Чтобы облегчить свою деятельность, Доббель принял русское подданство и числился камчатским купцом [14, 40—46].

В 1827 г. начальник Камчатки А. В. Голенищев жаловался министру внутренних дел на то, что Российско-Американская компания, установив торговую монополию в своих владениях, «лишила Камчатку торговли иностранной» и «иностранцам запрещено приближаться с торговыми целями к сей стране». Он писал вместе с тем, что «Компания взялась доставлять в Камчатку до 15 тыс. пудов муки, до 5 тыс. пудов соли и разные потребности, но и по сие время не могла сего исполнить»³⁰. В свете этого документа становятся понятными и активность Доббеля, и разрешение русским правительством (1828 г.) беспошлинной иностранной торговли на Камчатке. Получив на этот счет резолюцию царя, министр финансов распорядился в том же, 1828 г. «дозволить привоз в Камчатку всех иностранных товаров, кроме чаю, рома, водки и других крепких напитков, без пошлин»³¹.

²⁹ ЦГИА, ф. 1265, оп. 3, д. 162, л. 4—14.

³⁰ ЦГИА, ф. 1264, д. 153, ч. 1, л. 50—52.

³¹ Там же, ч. 3, л. 20.

Такие льготные условия ввоза товаров и перспектива закупки славившейся на весь мир русской пушнины не могли не привлечь внимания иностранного купечества. Источники не позволяют привести исчерпывающих цифр ввоза товаров на Камчатку русскими и иностранными торговцами по каждому году. Однако установить в общих чертах их соотношение возможно. Правда, применительно к 30-м годам XIX в. нам придется ограничиться лишь отдельными, хотя и весьма показательными, примерами.

Т а б л и ц а

Русская и иностранная торговля на Камчатке в середине XXI в. *

Год	Объем поставок или продажи, серебряные рубли		
	отдельными русскими купцами	Российско-Американской компанией	иностранцами купцами
1845 (привезено)	Нет сведений	75 808	29 799
1847 (привезено)	» »	36 729	2 835
1848 (привезено)	» »	34 246	19 677
1849 (привезено)	» »	58 991	10 439
1850 (привезено)	» »	22 437	63 634
1852 (продано)	38 737	23 985	20 000
1853 (продано)	55 745	48 526	59 781
1855 (продано)	Нет сведений	Нет сведений	45 840
1856 (продано)	» »	25 300	24 250
1863 (продано)	46 704	28 804	80 719

* ЦГИА, ф. 1265, оп. 4, д. 162, л. 6; оп. 2, д. 147, л. 46; оп. 3, д. 136, л. 3; ЦГАДВ, ф. 1029, оп. 1, д. 112, л. 16; ф. 1005, оп. 2, д. 287, л. 1—10.

В 1834 г. к берегам Камчатки на шхуне «Бекет» прибыл американский купец Перс. В Петропавловске он продал шелковых тканей, фарфоровой посуды, вина, сахара, сушеных фруктов, пряностей и других «колониальных» товаров на 56 516 руб. ассигнациями³². В следующем, 1835 г. два русских купца — Александр Шелихов из Иркутска и Колесов из Якутска — вместе продали на Камчатке через своих приказчиков различных товаров (ситец московский, холст, чай, сахар, табак и др.) на 15 041 руб.³³ В 1840 г. английский купец Картер привез на бриге «Гарликин» с Гавайских островов и продал на Камчатке различных товаров на 35 787 руб. 75 коп.³⁴

Официальные отчеты дают нам возможность более полно показать удельный вес в камчатской торговле как русского купечества, включая Российско-Американскую компанию, так и иностранцев в 40—60-х годах XIX в. (см. таблицу).

При всей неполноте представленной в таблице картины постепенное вытеснение иностранцами русской торговли на Камчатке уже в

³² ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 22, л. 4, 5, 12.

³³ Там же, д. 203, л. 33.

³⁴ Там же, д. 270, л. 13.

середине XIX в. является очевидным: достаточно сопоставить значительное снижение торговой активности Российско-Американской компании (за первые пять лет она поставляла товаров в среднем на 45 642 руб. в год, в последующем же продавала в среднем в год лишь на 31 603 руб.) с ростом объема иностранного экспорта (соответствующие среднегодовые показатели — 25 277 и 46 118 руб.).

Камчатский генерал-губернатор В. И. Завойко в своем отчете за 1851 г. имел все основания писать, что оптовая торговля уже в 20—40-х годах была в руках главным образом иностранцев и Российско-Американской компании и что лишь «внутри области торговля находится исключительно в руках русских купцов»³⁵. Через 20 лет принявший русское подданство американский купец А. Ф. Филиппеус писал министру финансов: «Вся торговля в российских владениях в Тихом океане находится почти исключительно в руках иностранцев; есть в некоторых пунктах русские купцы, но они занимаются преимущественно перепродажей купленных ими от иностранцев же товаров; ввоз товаров совершается весь на судах под иностранными флагами»³⁶. В отчете военного губернатора Приморской области за 1874 г. говорится, что «торговля в Приморской области преимущественно ведется иностранцами»³⁷. В таком же отчете за 1876 г. вновь подтверждается, что торговля в Приморской области «всецело в зависимости от иностранцев, наводняющих область с моря товарами... Живущие в области русские купцы продают только то, что им дают на комиссию иностранцы». В подтверждение сказанного автор отчета сообщает, что в 1874 г. в Главное казначейство в Петербурге через «Николаевское расходное отделение» иностранными купцами было переведено 504 424 руб., а русскими — всего 44 755 руб. В 1876 г. аналогичные цифры были еще более показательными (799 090 и 21 тыс. руб.)³⁸. Положение мало изменилось и в начале XX в. Так, в 1911 г. в Петропавловский порт было ввезено русских товаров 95 000 пудов, а иностранных — около 70 800 пудов³⁹. Из «Справки Петропавловской таможенной заставы» от 5 мая 1916 г. видно, что с 1912 по 1916 г. каждое лето в Петропавловск приходили американские торговые суда с грузом до 10 тыс. пудов⁴⁰.

Итак, более ста лет подряд (1812—1916) оптовая торговля на Камчатке была в значительной мере в руках иностранцев. Что касается розничной торговли, то ее вели казенные магазины и местное русское купечество. Уже в 1819 г. на Камчатке было пять казенных магазинов (в Петропавловске, Нижнекамчатске, Верхнекамчатске, Большерецке и Тигиле). Все они (кроме верхнекамчатского) просуществовали до советского времени и торговали только мукой, крупой, солью, чаем, порохом, свинцом и неводным прядевом. Все это отпускалось, впрочем, не на деньги, а в обмен на пушнину. Так, в 1836 г. только за долги было взыскано 48 соболей, 42 лисицы, 4 куклянки и 35 руб. 5 коп. деньгами. Всего казенные магазины ежегодно сбывали около 3 тыс. пудов хлеба⁴¹.

Значительно более широкую розничную торговлю вели местные купцы и приказчики иногородних русских купцов (иркутских, якут-

³⁵ ЦГИА, ф. 1265, оп. 1, д. 164, л. 14—15.

³⁶ ГАИО, ф. 24, оп. 10, карт. 2103, д. 110, л. 6.

³⁷ ЦГИА, ф. 1263, алф. 104, д. 3837, л. 196—197.

³⁸ Там же, оп. 1, д. 3966, 1878 г., л. 157—158.

³⁹ ЦГИА, ф. 1276, оп. 17, д. 262, 1913 г., л. 427.

⁴⁰ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 31, л. 155.

⁴¹ ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 556, ч. 1, л. 86; ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 27, л. 2; ЦГИА, ф. 1276, оп. 17, д. 358, 1915 г., л. 263.

ских и др.). Так, в 1836 г. на Камчатке вели дела пять местных купцов и семь приказчиков⁴². В 1841 г. здесь торговали купцы Калмыков, Михаил Сахаров, Иван Бушуев, Иосиф Бутлер⁴³. У Калмыкова капитал в 1841 г. состоял из 10 388 руб., у Сахарова — 5233 руб., у Бутлера — 11 428 руб.⁴⁴. (Заметим, что Филиппеус начинал свое дело, располагая капиталом в 900 тыс. руб.⁴⁵.) Через 10 лет (в 1851 г.) там было уже восемь местных купцов: трое Сахаровых, двое Бушуевых, Колесов, Красавцев и Софонов⁴⁶, а еще через 10 лет (в 1861 г.) — 18 купцов 3-й гильдии и 11 приказчиков⁴⁷.

В 1915 г. на Камчатке насчитывалось уже 15 торговых лавок⁴⁸. Обычно эти местные торговцы в декабре отправлялись в объезд «от села к селу» по всему полуострову, возвращаясь назад только в апреле⁴⁹. По словам военного губернатора Приморской области (1876 г.), они продавали «только то, что им давали на комиссию иностранцы или присылали сибирские купцы», а вывозили из камчатских селений почти исключительно пушнину⁵⁰. Достаточно сказать, что в 1842 г. ими было скуплено 4374 соболя, 764 лисицы и 238 выдр⁵¹, т. е. примерно в 10 раз больше, чем выручали за год казенные магазины.

Засилье иностранного капитала в оптовой и, косвенно, в розничной камчатской торговле порождалось не только отдаленностью Камчатки от экономически более развитых районов России и возможностью для иностранцев пользоваться удобными морскими путями. Причина коренилась гораздо глубже. Она заключалась в общей экономической отсталости России и особенно ее тихоокеанских владений. Уже упомянутый Филиппеус писал в 1872 г. русскому министру финансов, что он «первый русский купец... рискнувший завести паровое и несколько парусных судов, поставить эти суда под русский флаг, заняться, в конкуренцию иностранцам, оптовою торговлею...»⁵². В 1876 г. губернатор Приморской области официально ставил вопрос перед правительством об «образовании здесь торгово-промышленного русского флота, который бы имел самостоятельное сношение с европейскими нашими портами... Соображения эти, — писал далее губернатор, — невольно рождаются при взгляде на здешнюю торговлю, которая всецело в зависимости от иностранцев...»⁵³. Россия, как видим, в те времена еще не имела в Тихом океане своего торгового флота. И капиталы русских купцов исчислялись не сотнями тысяч, как у того же Филиппеуса, а всего лишь тысячами. Экономическая отсталость края (в том числе неразвитость меновых отношений и транспорта) создавала благоприятные условия и для другого зла — монопольного характера оптовой и даже розничной торговли.

Монопольный характер и неэквивалентность торговли

Очень яркую картину организации торговли на Камчатке мы находим в отчете за 1909—1911 гг. исполнявшего обязанности губерна-

⁴² ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 76, л. 19.

⁴³ Там же, д. 29, л. 41.

⁴⁴ ЦГАДВ, ф. 1842, оп. 1, д. 3, л. 3—7.

⁴⁵ ГАИО, ф. 24, оп. 10, карт. 2103, л. 12.

⁴⁶ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 2, д. 39, л. 40.

⁴⁷ ЦГИА, ф. 1265, оп. 11, д. 178, л. 64.

⁴⁸ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 4, д. 111, л. 33.

⁴⁹ ЦГИА, ф. 1265, оп. 11, д. 164, л. 14—15.

⁵⁰ ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3966, л. 158.

⁵¹ ЦГАДВ, ф. 1029, оп. 1, д. 113, л. 4—10.

⁵² ГАИО, ф. 24, оп. 10, карт. 2103, д. 110, л. 6.

⁵³ ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3966, 1878 г., л. 157.

тобра Камчатской области⁵⁴ Перфильева. «С давних времен и до последних лет,— писал он,— торговля обычно монополизировалась почти в одних руках... Так вела дело Российско-Американская компания (1799—1868 гг.), а затем известный контрагент правительства по снабжению Севера товарами и припасами купец Филиппеус. После его смерти также торговали „Братья Уольш“, затем „Русское общество котиковых промыслов“ и, наконец, работающее и сейчас „Камчатское торгово-промышленное общество“... Кроме торговли в Петропавловске все эти торговцы отпускают товар от себя мелким продавцам... так называемым развозчикам, которые с началом зимы, положив небольшой запас своего товара на одну-две нарты, отправляются с ними в глубь уездов... Эти мелочники с неутомимой энергией проникают далеко в глубь лесов и в дебри горных хребтов к кочевникам, звероловам и оленеводам и выменивают свой товар на пушнину»⁵⁵.

Что же везли на своих нартах агенты торговых компаний, монополизировавшие камчатский рынок? Губернатор Приморской области в 1876 г. откровенно писал, что товары эти «или относительно вредны, как алкоголь... или бесполезны, как галантерейные вещи, которые в большинстве случаев составляют брак, сбываемый сюда из Гамбурга или Сан-Франциско и продающийся, по недостатку конкуренции, весьма дорого»⁵⁶. Через 40 лет картина оставалась примерно такой же: «Торговцы, занимающиеся развозным торгом,— сообщалось в очередном губернаторском отчете,— везут больше мануфактурные и галантерейные товары, а не предметы первой необходимости. Происходит это вследствие того, что на нарту можно положить очень немного», продовольственные же товары «громоздки», да и цены на них, благодаря наличию казенных продовольственных магазинов, известны населению⁵⁷. Иначе говоря, ассортимент товаров, в особенности иностранных, во второй половине XIX в. явно ухудшился по сравнению с предыдущим периодом.

По свидетельству А. П. Сильницкого, возглавлявшего камчатскую администрацию в начале XX в., монопольный характер носила и развозная розничная торговля. По его словам, мелкие торговцы во избежание конкуренции «разделили между собой Камчатку, закрепив за каждым определенные селения»⁵⁸. Неизбежным результатом такого положения была резко выраженная неэквивалентная торговля, наносившая существенный ущерб интересам местных жителей.

Следует также учесть, что торговля была по преимуществу меновая, без участия денег. Даже в 1914 г. камчатский губернатор вынужден был признать: «Денежных запасов у населения не имеется, и торговля ведется исключительно меновая»⁵⁹. Легко понять, насколько это облегчало для торговца его задачу совершить максимально выгодный обмен.

Неэквивалентность торговли усугублялась и очень распространенной практикой давать товары в долг. Система долговой торговли базировалась на сезонности пушного промысла: зверолову предлагали товар под его будущую добычу. Известный риск (в случае, если очередной промысловый сезон будет неудачным) купцы с лихвой перекрывали значительным повышением цен на товары, отпускаемые в долг⁶⁰.

⁵⁴ Камчатская область была выделена из Приморской в 1909 г.

⁵⁵ ЦГИА, ф. 1276, оп. 17, д. 262, 1913 г., л. 427.

⁵⁶ ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3966, 1878 г., л. 158.

⁵⁷ ЦГИА, ф. 1276, оп. 17, д. 358, 1915 г., л. 324.

⁵⁸ Там же, д. 262, 1913 г., л. 427.

⁵⁹ ЦГИА, ф. 1276, оп. 17, д. 358, 1915 г., л. 324.

⁶⁰ ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 4876, 1891 г., л. 553—554.

Уже С. П. Крашенинников отметил, что купцы предпочитали камчадалам «все отдавать в долг и ждать, пока они зимою из орды возвратятся», зная, что так «без ошибки можно получить по четыре тысячи на тысячу» [9, 515].

Еще одним весьма распространенным, несмотря на официальное запрещение, способом ограбления местного населения было спаивание. Вернувшийся в 1833 г. с Камчатки лейтенант Кузьмищев писал: «Известно, что камчадалы так пристрастны к пьянству, что, не имея на себе самонужнейшей одежды, иной готов, когда уже попало в голову, пропить все и за одну рюмку отдать последнюю свою собаку. Полупьяный... просит еще водки, предлагая и обещая все»⁶¹.

Приведем несколько фактов и свидетельств, достаточно красноречиво характеризующих стиль и методы камчатской торговли. По свидетельству С. П. Крашенинникова, купец, заплатив сам за фунт табака 10 коп., продавал его на Камчатке за 1 руб. 80 коп. [9, 516]. А. С. Сгибнев в 60-х годах прошлого века писал: «Лучшего соболя купцы оценивают в 15 руб., а дают за него товару только на 5 руб. Обобрав таким образом камчадалов, купцы стараются дать им еще что-нибудь в долг с тем, чтобы и будущий весь их промысел попал к ним в руки» [14, 68]. В то же время, как сообщал в 1881 г. чиновник Главного управления Восточной Сибирью П. Г. Сулковский, «соболь, купленный в Петропавловске не дороже 15 руб., а в округе и того менее, и притом на товары, в Лондоне продается по 20 долларов или по 40 руб.». А морские бобры, купленные в 1880 г. у южнокамчатских алеутов по 60 руб., были проданы в Лондоне «по 40, 50 и до 64 фунтов стерлингов за бобра» [13, т. 3, вып. 1, 63], т. е. в 7—10 раз дороже. В отчете военного губернатора Приморской области за 1889 г. мы читаем: «Пуд табаку махорки стоит во Владивостоке 8 руб., на севере же... он чаще всего продается 1 руб. за фунт, следовательно, за пуд получается 40 руб.»⁶². А ревизовавший Петропавловский уезд в 1907 г. чиновник Сомов рассказал о купце Абязове, который «повез на Карагинский остров товаров на 200 руб.», а «выменял с помощью, конечно, спирта» разных пушных товаров «на сумму 1600 руб.»⁶³.

Разумеется, транспортные расходы при доставке товаров в глубинные районы Камчатки были весьма велики. Но у нас есть довольно точные сведения о размерах казенных (т. е. реальных) расходов на эти перевозки. Так, по данным «Камчатского торгово-промышленного общества» за 1909 г., «провоз из Петропавловска в Мильково на собаках [обходился] от 4 руб. 50 коп. до 5 руб. за пуд». В результате в казенных магазинах цена пуда муки поднималась с 2 руб. 80 коп. в Петропавловске до 8 руб. в Милькове, пуда риса — соответственно с 4 руб. 80 коп. до 10 руб., пуда соли — с 70 коп. до 5 руб. 20 коп., пуда керосину — с 6 руб. до 19 руб., плитки кирпичного чая — с 50 коп. до 80 коп., фунта сахару — с 13 коп. до 25 коп., фунта табаку — с 20 коп. до 30 коп., аршина ситца — с 20 коп. до 25 коп. и т. д.⁶⁴. Но при всей их значительности транспортные расходы не шли ни в какое сравнение с доходами купечества в сфере свободной торговли. В конце XIX в. В. И. Ленин с полным основанием называл северо-восточные окраины России местом, «где еще возможно «первоначальное накопление», дающее сотни процентов прибыли» [5, 324].

Прежде чем перейти к следующему вопросу, хотелось бы упомянуть о разделенных полувеком выдающихся камчатских деятелях, с

⁶¹ ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 601, л. 72—73.

⁶² ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 4876, 1891 г., л. 553—554.

⁶³ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 601, л. 154.

⁶⁴ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 23, л. 2—4.

именами которых связаны наиболее энергичные попытки ограничения грабительской торговли и защиты интересов коренного населения: военном губернаторе Камчатки, капитане 1-го ранга В. И. Завойко и начальнике Петропавловского уезда А. П. Сильницком⁶⁵. Оба они известны и как организаторы героической обороны Камчатки от внешних военных нападений (в 1854 и 1904 гг.).

В. И. Завойко стал брать с купцов подписку с обязательством «для своей пользы налагать не более 35 процентов противу стоимости товаров»⁶⁶. Из-за практически полной невозможности контроля эта мера, естественно, оказалась малодейственной. Более эффективной была попытка создать условия для конкуренции между купцами. Еще за год до приезда Завойко купец Калмыков писал: «В Камчатке нигде ярмарок не учреждено и не бывает»⁶⁷. В 1851 г. по инициативе В. И. Завойко на Камчатке возникли первые ежегодные ярмарки в селениях: Малка, Мильково, Шапино, Ключи, Дранка, Тигиль, Хайрюзово, Ича, Воровское, Большерецк. Эти ярмарки функционировали в период с 20 ноября по 1 апреля поочередно, одна за другой по 10—15 дней. В результате все купцы вынуждены были вместе переезжать с одной ярмарки на другую, сбивая тем самым цены на свои товары и повышая цены на пушнину. Осенью 1851 г. были отправлены в коммерческое путешествие по р. Камчатке, восточному и западному берегам полуострова купцы Сахаров, Бушуев, Колесов, Красавцев, Софонов. С ними уехал особый чиновник, который следил, чтобы камчадалы покупали сначала предметы первой необходимости, а затем уже чай, табак и др. При закрытии последней ярмарки этот чиновник опечатывал купеческие товары до ярмарок будущего года, с тем чтобы исключить рецидивы «обменной торговли» купцами-одиночками в «диких дебрях» полуострова⁶⁸.

Легко заметить, что принятые В. И. Завойко меры носили характер принудительного, искусственного подталкивания капиталистических отношений и были в условиях того времени и места безусловно прогрессивными. Во всяком случае, они явно благотворно сказались на экономическом положении местного населения. В этом легко убедиться, сравнив «Ведомость о ценах на товары продовольствия в селениях западного берега Камчатского округа», составленную до введения ярмарок⁶⁹, и «Ведомость о ценах на пушные звери... западного берега...», составленную земским исправником Кукниным после первых опытов ярмарочной торговли на Камчатке (в серебряных рублях)⁷⁰:

Товары	Цена до ярмарки	Цена на ярмарках	Разница в ценах
Чай, фунт	5,70	2,60	— 3,10
Сахар, »	1,70	1,00	— 0,70
Ситец, аршин	1,90	0,50	— 1,40
Платок, штука	3,15	1,10	— 2,05
Табак, фунт	4,00	0,30	— 3,70
Ружье, штука	40,00	12,00	—28,00
Соболь, »	3,00—5,00	6,60—7,75	+ 3,17
Лисица			
красная »	2,50—3,00	3,48	+ 0,73
Сиводушка, »	3,00—9,00	10,0	+ 4,00

⁶⁵ До этого назначения А. П. Сильницкий был редактором газеты «Приамурские ведомости».

⁶⁶ ГАИО, ф. 24, оп. 7, карт. 1277, д. 12, 1850 г., л. 256.

⁶⁷ ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 81, л. 115.

⁶⁸ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 2, д. 39, л. 5, 18, 19, 40.

⁶⁹ Там же, л. 95.

⁷⁰ Там же.

Приведенные данные совершенно определенно свидетельствуют о снижении на ярмарках цен на купеческие товары, причем нередко в несколько раз (табак, ситец, ружья и пр.), и о повышении цен на все виды пушнины. Неудивительно, что среди населения Камчатки на долгое время сохранились самые добрые воспоминания о В. И. Завойко. Однако после его отъезда учрежденные им нововведения были постепенно упразднены и восстановлены старые формы торговли. Рутинная отсталой экономики и стоявшие за ней социальные группы оказались сильнее смелых реформ.

Через 50 лет после В. И. Завойко его опыт повторил А. П. Сильницкий. Он закрыл питейные заведения на Камчатке и запретил ввоз спирта в селения полуострова, заставляя купцов ездить с товарами не в одиночку, а только «партиями» и торговать «под присмотром чиновника». В Тигиле им был организован пушной аукцион, на котором камчадалы получали за соболя не 20—25 руб., а 50—60 руб. Сообщивший все эти факты чиновник особых поручений при приамурском генерал-губернаторе Перфильев добавлял, что камчадалы «выражали через своих старост Сильницкому благодарность устно и письменно». Позиция деловых кругов была, естественно, противоположной. Главный уполномоченный «Камчатского торгово-промышленного общества» барон Брюгген грозил Сильницкому прекратить снабжение Камчатки продовольствием. Брюгген выступил даже инициатором весьма неблагоприятной и скандальной затеи объявить Сильницкого душевнобольным человеком. По этому поводу было заведено специальное «дело», занявшее более ста страниц. А. П. Сильницкий был отозван с Камчатки, но затем вновь возвращен на прежнюю должность. Любопытно отметить, что когда он вернулся на Камчатку, то «во многих юртах» под иконами встретил «надписи» такого содержания: «Господи, убери Павского и пошли нам Сильницкого или Векентьева»⁷¹.

К сожалению, начинания В. И. Завойко и А. П. Сильницкого были лишь отдельными светлыми эпизодами в истории камчатской торговли. В целом же прямым следствием развития последней было закабаление купцами местного населения.

Закабаление купечеством населения Камчатки

При изучении общественных отношений у камчадалов, оседлых коряков и даже русских камчатских крестьян бросается в глаза отсутствие наемных рабочих, батраков и вообще резкой социальной дифференциации. Согласно «Статистическим ведомостям» по камчадальскому и корякскому селениям — Хайрюзовскому и Лесновскому (за 1913 г.), а также русскому селению Ключевскому (за 1901 г.), во всех этих трех селениях распределение скота, рыболовных сетей, батов, собак и т. д. было сравнительно равномерным и однообразным⁷². Дело, по-видимому, в том, что условия примитивного рыболовецкого хозяйства (в отличие от оленеводства)⁷³ практически исключали возможность

⁷¹ Павский временно заменял Сильницкого, а Векентьев был помощником Сильницкого.

⁷² ЦГАДВ, ф. 1373, оп. 1, д. 4, 1912—1914 гг., л. 38—39; ф. 1044, оп. 4, д. 29, 1901 г., л. 34—44.

⁷³ Именно поэтому, например, у «кочующих коряк 1-го рода» в 1913 г. были хозяйства, имевшие по несколько тысяч оленей (Аппалья Ютов — 7330, Пинтаят Нутелькутов — 6425, Юкавов Екьентов — 3470 и т. д.), но встречались и такие хозяйства, у которых оленей было в 100 раз меньше (Камак Аньякавов — 16 оленей, Вевве Кыпилов — 23 оленя и т. п.) (ЦГАДВ, ф. 1373, оп. 1, д. 4, 1912—1914 гг., л. 58—63). Иными словами, в оленеводческих хозяйствах Камчатки в начале XX в. налицо было резкое имущественное неравенство (со всеми вытекающими отсюда последствиями).

накопления. А продажа рыбы даже в начале XX в. практиковалась в минимальных размерах. Так, в 1913 г. все Хайрюзово (36 хозяйств) продало всего 221 пуд икры и 100 шт. юколы⁷⁴.

Следует учесть и тот факт, что рыболовные угодья не были в частной собственности. Сельское же хозяйство в условиях Камчатки еще в меньшей степени, чем рыболовство, могло явиться основой для накоплений, тем более что земля тоже считалась собственностью казны.

В силу всех этих причин эксплуататорские отношения на Камчатке охватили в первую очередь пушной промысел с его стопроцентной товарностью. Однако и здесь не было никакого смысла круглый год держать батрака с тем только, чтобы он зимой добыл два-три соболя. Основной формой эксплуатации мелкого производителя-охотника поэтому стало отчуждение результатов его труда путем неэквивалентного обмена. Такая торговля вела к закабалению⁷⁵ коренного и русского трудового населения Камчатки именно местными купцами, за которыми обычно стояли крупные иностранные фирмы. Это явление приняло столь широкие масштабы, что на него была вынуждена обратить внимание и администрация: «Все звери, каких достанут камчадалы, остаются у купцов,— отмечалось в «Решении Главного управления Восточной Сибирью» от 2 декабря 1843 г.— мало того, что купец возьмет все у камчадала,— он надает ему в долг товаров сколько угодно, чтобы таким образом обязать его всегда всех добытых зверей отдавать ему»⁷⁶. Примером, убедительно иллюстрирующим эти слова, является деятельность иркутского купца Пежемского. После его смерти (1843 г.) выяснилось, что у него было 219 должников, в том числе около 100 камчадалов, и общая сумма задолженности составляла 38 618 руб. 53 коп.⁷⁷ Следовательно, на каждого из должников приходилось в среднем по 176 руб. 34 коп. Для покрытия такого долга (если учесть, что охотник в среднем добывал в зиму два-три соболя) необходимо было шесть-девять лет. Иначе как долговым закабалением такое положение не назовешь.

Однако русские купцы типа Абызова или Пежемского были мелкой сошкой по сравнению с более крупными и безжалостными иностранными коммерсантами. Нужно сказать, что это понимало и русское правительство, которое в 1884 г. изучало вопрос о целесообразности продления контракта с американским купцом Филиппеусом. На Камчатку для ознакомления с делом на месте был послан подполковник Генерального штаба Бобырь. Вернувшись в Петербург, он в своей «Краткой записке» от 25 апреля 1885 г. докладывал: «Камчатская торговля имеет свои особенности, и наиболее характерною является монополизм». Американский купец Филиппеус, писал Бобырь, «явился властелином не только экономических судеб громадного... края, но и жизни местного населения», и поэтому правительство, передав Филиппеусу всю торговлю на Камчатке, ввергло тем самым жителей полуострова «в безысходную нужду и в полную кабальную зависимость». Продлить в такой ситуации контракт с Филиппеусом, по мнению Бобыря, означало бы «заклепать последнее звено в той цепи рабства,

⁷⁴ Для сравнения отметим, что упоминавшиеся выше три богатых оленевода продали в том же году 226 оленей (ЦГАДВ, ф. 1373, оп. 1, д. 4, 1912—1914 гг., л. 43, 58—60).

⁷⁵ Вспомним указание В. И. Ленина на возможность существования «бесконечно разнообразных форм закабаления» [2, 403].

⁷⁶ ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 29, л. 25.

⁷⁷ ЦГАДВ, ф. 1028, оп. 1, д. 30, л. 29.

которую и без того уже достаточно скованы все северные округа Приморской области»⁷⁸.

О степени закабаления коренного населения и русских крестьян Камчатки в начале XX в. можно судить по следующим фактам. В долине р. Камчатки в 1910 г. за каждым из хозяйств селений Верхнекамчатск, Мильково, Кресты, Камаки и Нижнекамчатск числился долг в размере от 30 до 500 рублей. В Милькове, например, средняя задолженность каждого крестьянского двора составляла 350 руб.⁷⁹ 7 августа 1916 г. на совещании «торгующих» было объявлено, что только семь камчадалских селений полуострова имели «задолженность — казне 50 тыс. рублей, фирмам — более 100 тыс. рублей»⁸⁰. Долг одной семьи в этом случае составлял в среднем 500—700 руб.

Очень важно отметить, что именно торговля стала основным средством обогащения социальной верхушки коренного оседлого населения и закабаления ею своих сородичей. «Для населения, — записал в своем путевом журнале посетивший в 1904 г. Камчатку уполномоченный министерства внутренних дел, — устройство продовольственных складов... поставит его в независимое положение... от своих кулаков — старшин, зачастую являющихся приказчиками крупных торговцев; это явление новое, недавно появившееся на Камчатке, но уже сказавшееся в закабалении населения»⁸¹.

Правильность этого сообщения подтверждается и «Списком лиц, выбравших торговые документы... в декабре 1904 г.». В нем наряду с русскими мелкими торговцами упоминаются уже «Бурнышев Г. А. — камчадал Начикинского селения, Михайлов Илья — камчадал Мильковского селения, Трапезников П. И. — Хайрюзовского селения камчадал». Будучи приказчиками «Камчатского торгово-промышленного общества», они получили право «на продажу в развоз табаку по уезду»⁸². Кроме названных трех селений мелкие торговцы из коренных жителей были также в это время в селениях Голыгино, Кахтана, Палана, Ганалы, Камаки и Малка⁸³.

* * *

Таким образом, материалы по дореволюционной истории торговли на Камчатке рисуют сложную, противоречивую картину. С одной стороны, неразвитость капиталистических отношений на далеких восточных окраинах России создавала условия для существования меновой, долговой и других отсталых форм торговли. В сочетании с монопольным характером этой торговли и беззащитным спаиванием ясачных это приводило к резко выраженной неэквивалентности обмена и закабалению. Особенно разорительной для трудового населения Камчатки была торговля иностранных торговых монопольных фирм, единственным стимулом в деятельности которых являлась погоня за максимальной прибылью. Впрочем, названные теневые стороны торговли в конечном счете были неизбежным следствием классового, а в отношении коренного населения и национального гнета. Последний же являлся постоянным спутником капитализма. В. И. Ленин указывал: «При капитализме уничтожить национальный (и политический

⁷⁸ ГАИО, ф. 24, оп. 7, карт. 2721, д. 9, л. 32.

⁷⁹ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 5, д. 94, 1911—1913 гг., л. 17—30.

⁸⁰ Там же, д. 344, л. 47.

⁸¹ ЦГАДВ, ф. 702, оп. 1, д. 423, л. 25.

⁸² ЦГАДВ, ф. 1044, оп. 4, д. 71, л. 21, 22, 25.

⁸³ Там же, д. 11, л. 9, 166.

вообще) гнет *нельзя*. Для этого *необходимо* уничтожить классы, т. е. ввести социализм» [3, 22].

С другой стороны, еще более выпукло выступает благотворное влияние торговли на весь ход экономического развития края. Огромный спрос на «мягкое золото» стимулировал быстрое развитие пушного промысла и обусловил хозяйственную специализацию Камчатки, что привело к включению ее во всероссийский рынок и способствовало преодолению местной экономической замкнутости и первобытной застойности. Благодаря торговле пушной промысел наряду с рыболовством стал основным источником существования для трудового населения полуострова. Торговля явилась формой приобщения коренного населения к несравнимо более высокой материальной культуре русского народа, что вело к вытеснению архаических местных домашних промыслов. Более того, торговля способствовала взаимовлиянию и сближению между коренным и русским трудовым населением в области их хозяйственной деятельности, социальной жизни, домашнего быта и духовной культуры. В результате этого процесса сближения разграничительная линия социальных противоречий все яснее стала проходить между трудовыми массами коренного и русского населения полуострова, с одной стороны, и местными эксплуататорскими элементами (включая и выходцев из коренного населения) — с другой.

Ярким проявлением всестороннего сближения русского и коренного населения явился факт добровольного участия камчадалов и коряков в русских отрядах народного ополчения, боровшихся против военного нападения на Камчатку в 1854 и 1904—1905 гг. [см. 10, 163—187].

Нельзя не отметить и того факта, что органы государственной власти, и в особенности прогрессивно настроенные ее отдельные представители, искренне стремились обуздать коммерческий эгоизм купечества и защитить ясачных от полного разорения, а природные богатства Камчатки — от хищнического разграбления иностранцами.

Взвешивая отрицательные и положительные стороны камчатской торговли, мы видим, таким образом, что значительный перевес был, несомненно, на стороне ее положительных результатов. И это, естественно, вытекает из более общего, исторически закономерного и прогрессивного по своему характеру факта вхождения малых народов Дальнего Востока в состав России. Еще в 1851 г. в одном из писем Марксу Энгельс специально подчеркнул ту мысль, что «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку» [1, 241].

Правда, выясненные нами противоречивые по своей социально-экономической значимости тенденции в камчатской торговле в условиях царской России так и не были преодолены, поскольку сохранялось классовое общество. Эти противоречия могли быть сняты только социалистической революцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс Ф. Письмо Марксу от 23 мая 1851 г.,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 27.
2. Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов,— т. 16⁸⁴.
3. Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении,— т. 30.
4. Ленин В. И. Развитие капитализма в России,— т. 3.

⁸⁴ Работы В. И. Ленина даются по Полному собранию сочинений.

5. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — т. 1.
6. Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга, М.—Л., 1946.
7. Волошинов Н. Отчет по командировке на Командорские острова в 1884—1885 годах, СПб., 1890.
8. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке. Сборник архивных материалов, Л., 1935.
9. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, М.—Л., 1949.
10. Огрызко И. И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII — начало XX в.), Л., 1973.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое, т. XXXVIII, № 29126 — Устав об управлении инородцев, ч. 1, гл. V, § 46, 61, СПб., 1830.
12. Пушкин А. С. Камчатские дела.— Полное собрание сочинений, т. X, М., 1938.
13. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью, т. 3 — Камчатка и Командорские острова, вып. 1—4, Иркутск, 1882—1884.
14. Сгибнев А. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке,— «Морской сборник», 1869, № 8.
15. Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, Frankfurt und Leipzig, 1774